

ОТЕЦ
ФЕОНА
МОНАХ-СЫЩИК

ОТЕЦ
ФЕОНА
МОНАХ-СЫЩИК

АНАТОЛИЙ ЛЕОНОВ

Тайна
ПСАЛТЫРИ

Москва 2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Анатолий Олегович.
Л47 Тайна псалтыри / Анатолий Леонов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 352 с. — (Отец Феона. Монах-сыщик).

ISBN 978-5-04-109811-7

1620 год. Отец Феона преподает в монастырской школе. Однажды один из послушников показывает ему старую псалтырь с зашифрованным текстом. Феона предполагает, что именно здесь кроется разгадка самой мрачной тайны Ивана Грозного, и просит книжного хранителя дать ему псалтырь на время. Но послушник не соглашается. Утром его находят мертвым, а книга загадочным образом исчезает. Отец Феона, в прошлом руководитель русского уголовного сыска, берется расследовать эту странную смерть. Очень скоро он понимает, что в этом деле ему противостоит умный и жестокий противник, для которого цель оправдывает любые средства.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109811-7

© Леонов А. О., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*Моему ангелу, моей жене,
посвящается эта книга!*

пролог

Лета 7042 от сотворения мира¹ зима на Устюжской земле выдалась особенно суровой и долгой. В апреле месяце еще трещали лютые морозы. Снег лежал в два аршина и не сошел даже после Великого поста, а реки стояли скованные льдом до самой Троицы. Старики качали головами и пророчили беду. По весне дозорные начали сообщать о конных татарских разъездах, малыми отрядами рыскающих по округе. Сказывали, что искали они тайные тропы в лесах и броды на реках, а помогали им местные зыряне, не шибко «московских» людей жаловавшие.

Пару лет назад казанцы уже приходили к Устюгу, неожиданные. На Дымкове сожгли тогда две церкви и более семидесяти крестьянских дворов. Поглумились татары весьма свирепо. Пресытившись же кровью и добычей, домой возвращались уже через Вятскую землю. Но на реке МолOME под городом Котельничем угодили в засаду русского войска, перекрывшего устье этой реки. Сеча была жестокая. Из четырех ты-

¹ 1534 г. от Р. Х.

сяч татар не уцелел никто. Всех порубали разъяренные вятчане, поминая им и прежние обиды, и нынешние преступления. Убежать удалось только луговым черемисам, бывшим с татарами, которые лесами ушли к реке Пижме, в Казанские пределы.

Два года о татарах в этих краях было не слышно, но их ждали. Понимали, что придут, и принимали меры. В считанные месяцы поднялись над городом новые стены. Мощные и неприступные. Брать такие города татары просто не умели, но оставались еще беззащитные посады и многочисленные села, отстоящие от города порой на сотни верст. Надо было решать, как спасти крестьян. А времени оставалось мало. Зимой они не напали. Ранней весной не пришли, значит, пережидали конца половодья на реках, когда большая вода бурным потоком поднималась на несколько саженой, смывая на своем пути целые деревни со всеми жильцами, скарбом и животиной. Идти в набег в такое время могли только глупцы, а татары, может, и были сумасшедшими, но уж глупцами не были точно.

Они придут летом. Как саранча, заполняя собой все пространство. Обходя стороной неприступные города, не вступая в бой с русскими войсками, выжигая посады и деревни. Грабя, насилая и убивая.

Еще долгих два десятка лет московское правительство не могло усмирить свою мятежную, от-

ТАЙНА ПСАЛТЫРН

ложившуюся «казанскую украину», так счастливо замиренную некогда великим князем Василием III¹. Лишь полное присоединение Казанского ханства смогло изменить обстановку на южных и восточных рубежах Русского государства. Единый строй враждебных ханств был разорван; за Казанью последовала Астрахань, после чего Русское государство смогло наконец сосредоточить основные силы для борьбы с Крымским ханством. Но все это будет потом, а пока...

¹ Государь и великий князь всея Руси в 1505—1533 гг. Отец Ивана IV Грозного.

ГЛАВА 1

Устюжский наместник, степенный, тучный князь Михаил Данилович Щенятев¹ сидел в светлой горнице за большим обеденным столом и, важно раздувая щеки, строго смотрел на своих домочадцев. По правую руку, рядом с ним, скромно сложив ладони лодочкой, сидела его жена Мария Ивановна, урожденная княжна Горбатая-Шуйская. Женщина была чем-то расстроена или озабочена и не сильно обращала внимание на показную суровость супруга. Впрочем, и сам он, отхлебнув из серебряной чарки ставленого, сорокалетнего меда, разгладил седые усы и, крикнув от удовольствия, расслабленно откинулся на лавке, прислонившись к тесаным и ярко выкрашенным доскам стены. Морщины на его лице разгладились, и от былой суровости не осталось и следа.

— Ангел за трапезой, — пробасил он, осенив себя размашистым крестным знамением.

— Предстоит! — неровным хором отозвались домочадцы, перекрестившись, глядя на богатый

¹ Боярин и воевода на службе у великого князя Московского Василия III (умер в 1534 г.).

иконостас в красном углу, после чего замерли с ложками в руках, ожидая разрешения главы семейства приступить к застолью. А князь вместо этого с хитрым прищуром посмотрел на дочь, сидящую чуть поодаль от него, и как бы между прочим спросил:

— Ну что, Катька, замуж-то пойдешь? Впрочем, чего тебя спрашивать? — тут же махнул он рукой и, взяв в руки резную ложку, запустил ее в простое деревянное блюдо с дымящейся ячневой кашей «глазухой», густо обложенной парным черносливом и смоквой.

— Господи, благослови! — перекрестился он еще раз и кивком головы предложил собравшимся за столом начать трапезу.

Семнадцатилетняя девушка, зардевшись от смущения, закрылась пестрым платком.

— Ой, батюшка, стыдно-то как! — запричитала она, не открывая лица.

Тринадцатилетний Петька и восьмилетний Васька, сидевшие от отца по левую руку, перевесившись через край стола, стали смеяться и дразнить сестру, бросая в нее хлебные шарики. Князь облизал ложку от каши и, не меняя выражения лица, смачно треснул каждого из расшалившихся сынов этой деревянной ложкой по вихрастым лбам. Раскатистые, словно барабанная дробь, удары вмиг вернули порядок в трапезной. Озорные отроки разом затихли, прижавшись к стене, и испуганно моргая, терли ладонями покрасневшие лбы.

Не считая нужным что-то объяснять сыновьям, князь только погрозил им пальцем и весомо изрек:
 — За столом сидите, ироды. Порядком дом стоит, непорядком — содом! — После чего повернулся к жене и, словно продолжая уже начатый ранее разговор, произнес степенно, оглаживая богатую бороду: — К Катьке нашей князь Иван Федорович Бельский¹ сватается. Пишет, готов хоть завтра под венец. Что думаешь, мать? Отдадим девку?

Мария Ивановна взмахнула пухлыми руками и воскликнула высоким, срывающимся от тревоги голосом:

— Помилуй, Михал Данилыч, кормилец роденький! Слышала я, его на южные рубежи посылают. На татар окаянных. В самое пекло! А не ровен час убьют?

Князь нахмурился, удивленно посмотрел на жену и проронил сквозь зубы:

— Пустое, мать, городишь! Иван Федорович после кончины великого князя Василия опять при дворе в расположение вошел. Ленка Глинская², хоть и курва литовская, прости Господи,

¹ Князь, боярин (с 1522 года). Троюродный брат царя Ивана Васильевича Грозного. Был женат на дочери боярина князя Михаила Даниловича Щенятева, от брака с которой имел одного сына Ивана (ум. в 1542 г.).

² Вторая жена Московского великого князя Василия Ивановича, мать Ивана Грозного, регент на время малолетства (ок. 1508 — 4 апреля 1538).

а в людях разбирается. Князь теперь на Москве главный воевода, и в совете Верховном при малолетнем Иване чин не последний имеет, так что жених он отменный. А опасно теперь везде. У нас, че ли, тихо? Я зачем весь Устюг перерыл? Стены новые в четыре ряда мастерю? После того как в Казани крымский царевич Сафа-Гирей¹ сел, покоя нигде нет. От Владимира до Перми города заново строим. Оборону крепим.

Княгиня пожалала плечами и, не глядя на мужа, проворчала, упрямо поджав губы:

— Тебе, отец, конечно, виднее, но Бельские род ненадежный, случись чего, наша Катька ни за что ни про что под раздачу попадет...

Михаил Данилович озадаченно почесал бороду и ответил, с осуждением глядя на жену:

— Вы, Шуйские, Бельских всегда недолюбливали...

— Конечно, зато вы, Гедиминовичи, своих за всегда примечали и на выручку спешили! — парировала та, может быть, даже слишком резко, чтобы казаться простым проявлением материнского беспокойства.

¹ Казанский хан (1524—1531, 1536—1546, июль 1546 — март 1549). Признал себя вассалом османского султана, предпринял ряд походов против Москвы (1536—1537, 1541—1542, 1548). Скончался в 1549 году при до конца не выясненных обстоятельствах. Карамзин пишет, что хан «пьяный убили во дворце».

Почувствовав это, князь обиженно поджал губы и ответил:

— Ну ведь нелепость говоришь, Маша! Мы с тобой двадцать лет в супружестве, троих детей вырастили. Сильно нам мешало?

Княгиня бросила быстрый взгляд на испуганную дочь, насупила брови и в сердцах махнула рукой:

— Ты, Михал Данилович, себя с родней-то не путай. У нас с тобой по любви все сладилось. Не забыл, как под моей светелкой ночами околачивался, а потом у отца вымаливал? Катька, отроковица еще, жениха в глаза не видела. А женишку пятьдесят годков стукнуло!

— Я все помню, — произнес князь, в сердцах хлопнув ладонью по столу. — Только негоже бабе мужу при детях перечить. Не вводи меня в грех, Маша. Не согласна — молчи. От Катьки много не требуется. Всякая невеста для своего жениха родится. Сперва стерпится, потом слюбится. А князь Иван — хороший человек. Зря не обидит...

Прислуживавшая за обедом ключница, маленькая, сухая, как вяленая вобла, бабка лет девяноста от роду, сопровождая слугу, несущего большую, дымящуюся кастрюлю с юрмой¹, после слов князя даже крякнула с досады.

¹ Древнерусское горячее блюдо, суп. Представляет собой смесь ухи и бульона из птицы.

— Ты, Мишка, чего расхорохорился? — закричала она, подступая к князю и тряся маленькими кулачками, покрытыми старческими пятнами. — Не коня продаешь, а дочку замуж выдаешь. Тут обдумать все требуется. Чай, не на войне!

Увидев перед собой неожиданного противника, князь на удивление спокойно и миролюбиво пробасил:

— Ты, баба Дуня, не лезь, тебя это не касается. Сами разберемся...

— Как это не касается? — всплеснула руками бойкая старушка. — Ты, Мишаня, чего говоришь-то? Я у князя Данилы Васильевича¹ покойного, царствие ему небесное, почитай, полвека служила. Тебя чадушком голожопым на руках носила, а потом детей твоих пестовала, так что октись, голос свой я здесь по праву имею...

Услышав слова старухи, Петька с Васькой, давась от смеха, захрюкали в рукава кафтанов, но, увидев строгий взгляд отца и деревянную ложку в его по-крестьянски крепкой руке, они тут же сменили выражения лиц с безудержного веселья на смирение и полное принятие неизбежного.

Баба Дуня меж тем подошла к Катьке и, погладив ее по голове, добавила, глядя на князя старческими слезящимися глазами:

¹ Даниил Васильевич Щеня Патрикеев (?—1519) — князь, знаменитый русский полководец времен Ивана III и Василия III, родоначальник князей Щенятевых.